

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1.93

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-13-25

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ УНИВЕРСАЛИСТСКОГО ПОДХОДА В РОССИЙСКОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Бондарева Я. В.^{1*}, Ильинская С. Г.²

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.12.2025

После доработки 16.01.2026

Принята к публикации 28.01.2026

Аннотация

Цель. Раскрыть ценность идей самобытных русских философов в деле решения проблемы осознания особенности российской цивилизационной традиции и преодоления универалистского подхода в системе российского образования.

Процедура и методы. Исследование выполнено в рамках локально-цивилизационного подхода с применением исторического, сравнительно-сопоставительного и герменевтического методов, а также образно-логического моделирования.

Результаты. Полученные результаты могут послужить основанием для понимания того, почему осознание ключевых отличий российской традиции и необходимости формирования аутентичного теоретико-методологического инструментария и концептуального аппарата для её дальнейшего развития сложно утверждается в общественном сознании и учебных программах, несмотря на переориентацию страны от модели нации-государства к модели государства-цивилизации. В качестве оппозиции таким ключевым ценностям западной цивилизации, как индивидуализм, права и свободы человека, а также рыночная конкуренция (ставшие основой либеральной теории и капитализма), предложены соборность, идея служения и принцип кооперации усилий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Поднятые в статье проблемы имеют существенное значение для российской политики государственной идентичности, а также связанной с ней дальнейшей трансформации учебного процесса, пересмотра учебных программ по всему блоку социо-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Запад, индивидуализм, конкуренция, кооперация, права человека, разум, рациональность, российская цивилизация, служение, соборность

Для цитирования:

Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Философские основания преодоления универалистского подхода в российской гуманитаристике // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 13–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-13-25>.

Original research article

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF OVERCOMING THE UNIVERSALISTIC APPROACH IN RUSSIAN HUMANITIES

Ya. Bondareva¹, S. Ilinskaya²

¹Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Received by the editorial office 23.12.2025

Revised by the author 16.01.2026

Accepted for publication 28.01.2026

Abstract

Aim. To reveal the value of the ideas presented by Russian philosophers on understanding the specificity of the Russian civilizational tradition and overcoming the universalist approach in the Russian education system.

Methodology. The study was conducted using a local-civilizational approach, historical, comparative and hermeneutic methods, as well as figurative and logical modeling.

Results. The results obtained can serve as a basis for both understanding difficulties of the key differences in the Russian tradition and a need to form an authentic theoretical and methodological toolkit, as well as a conceptual basis, for its further development in public consciousness and educational programs, despite the country's reorientation from the model of a nation-state to the model of a state-civilization. As an alternative to the key values of Western civilization, such as individualism, human rights and freedoms, and market competition (which have become the foundation of liberal theory and capitalism), the concept of conciliarity, the idea of service, and the principle of cooperative efforts have been proposed.

Research implications. The issues raised in the article are of significant importance for Russia's policy on state identity and the subsequent transformation of the educational process and the revision of curricula in the entire range of social-humanitarian disciplines.

Keywords: West, individualism, competition, cooperation, human rights, reason, rationality, Russian civilization, service, conciliarity

For citation:

Bondareva, Ya. V., Ilinskaya, S. G. (2025). Philosophical Foundations of Overcoming the Universalistic Approach in Russian Humanities. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 13–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-13-25>.

Введение

С 2022 г. идёт официальная переориентация Российской Федерации от существования в рамках универсалистской парадигмы единой общечеловеческой цивилизации и модели нации-государства к существованию в рамках парадигмы самобытного государства-цивилизации. Тем не менее, чем далее идёт этот процесс, тем становится всё более понятно, что философско-мировоззренческое преодоление последствий либерального тридцатилетия

(1992–2022 гг.) затягивается, и в общественном сознании их предстоит изживать ещё очень долгое время.

На базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы под руководством проректора А. В. Полосина в еженедельном режиме работает дискуссионная площадка «Гуманитарный реактор», где в настоящее время активно обсуждаются проекты новых учебников для вузов по философии, другим учебным курсам социо-гуманитарной направленности.

Но кого будут обучать по этим учебникам и уже обучают основам российской государственности? В головах старшеклассников, судя по тому, что написано в настоящее время в школьных учебниках, должен царить чудовищный когнитивный и мировоззренческий диссонанс. Приведём ряд показателей в пользу данного тезиса. При этом не будем затрагивать 11 класс, ибо история постсоветского периода – крайне сложный для взвешенного преподавания предмет.

Для 10 класса обычной российской школы написаны новые, вполне адекватные учебники по всеобщей¹ и отечественной истории², в качестве претензий к которым можно предъявить лишь упоминание по-прежнему завышенных цифр по жертвам репрессий 1937–1938 гг. и возложение вины на НКВД за гибель польских военнопленных в Катыни, что противоречит данным на главном историческом портале страны ИСТОРИЯ.РФ³.

Наряду с этим в учебнике по обществознанию⁴ на многих страницах представлены цитаты радикально либерального экономиста Ф. фон Хайека, в качестве литературы, рекомендованной для дополнительного чтения, предложен переведённый 30 лет назад учебник по экономике для западных вузов⁵, из которого (со значительными сокращениями) полностью заимствовано содержание 4 главы, что имеет слабое отношение не только к российской экономике, но и к реальной действительности,

поскольку данный учебник устарел ещё в момент его перевода с английского языка и использовался как продвижение политики МВФ в страны третьего мира для консервации их отсталости. В учебнике по географии различные главы написаны с принципиально иных методологических позиций, иногда настолько компилятивно, что складывается впечатление, что их писали абсолютно разные люди. При этом российская (она же православная) цивилизация отнесена к одной из цивилизаций Запада (с такими общими базовыми ценностями, как *либерализм*, *права человека*, *свободный рынок*), наряду с западноевропейской (к которой авторы учебника отнесли и «жизненное пространство» США, Канады, Австралии, Новой Зеландии) и латиноамериканской⁶. Всё это никак не согласуется с нормативными актами, принятыми в стране в последние годы, согласно которым Россия – это самобытное государство-цивилизация. Более того, данное утверждение не согласуется и с объективной реальностью, банально противоречит здравому смыслу.

Западный и российский типы цивилизационного развития: общие истоки и различные результаты

В целом в российских научных кругах в той или иной степени уже состоялись признание и утверждение парадигмы, согласно которой Запад и Россия – две различные мировые цивилизации, которые имели общий религиозный импульс – Новый Завет, христианство. Говоря словами А. Тойнби, православное христианское общество и западная цивилизация имеют общую отеческую эллинскую цивилизацию, преемственность от которой состоялась через вселенскую церковь. Из «одной куколки» (христианства) в данном случае «образовалось два самостоятельных организма: римско-католическая церковь и православная церковь» [1, с. 59].

¹ Мединский В. Р., Чубарьян А. О. История. Всеобщая история. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 240 с.

² Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 496 с.

³ Всё, что надо знать о Катыни. К годовщинам обвинений и покаяний [Электронный ресурс]. URL: <https://history.ru/read/articles/vsio-cto-nado-znat-o-katyni-k-ghodovshchinam-obvinenii-i-pokaianii> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴ Котова О. А., Лискова Т. Е. Обществознание. 10 класс: учебник для общеобразовательных организаций: базовый уровень. М.: Просвещение, 2022. 96 с.

⁵ Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1995. 864 с.

⁶ Гладкий Ю. Н., Николина В. В. География. 10 класс: базовый и углублённый уровни: учебник. М.: Просвещение, 2025. С. 144.

Поэтому первофилософы (Аристотель, Августин Блаженный, Василий Великий и др.) у двух цивилизаций были общие. Однако развитие этих огромных социальных систем весьма отличалось, поскольку шло параллельно различными путями. Различны были народы, воспринявшие христианство в Европе и на Руси (основатель локально-цивилизационного подхода Н. Я. Данилевский и один из ранних славянофилов А. С. Хомяков в своих работах многократно отмечали воинственность германских племён, их склонность к насилию, и миролюбивый характер славянских тружеников), различно было само христианство в западном и восточном варианте (раскол церквей на Западную и Восточную в XI в. н. э. далеко не случаен), различны были климатические условия, исторические вызовы двух цивилизаций и т. д. «Виновата ли летопись старого русского быта, что её не читают», спрашивал в своё время Хомяков и подчёркивал, что «все настоящие просвещённые царства» (современные ему государства Западной Европы) «стали образовываться из хаоса варварства» не ранее XII в., когда в России «христианский мир уже процветал» [2, с. 455].

Авторский анализ российского и западного типов философствования доказал, что они диаметрально противоположны по линиям «онтологизм – гносеологизм», «холизм – номинализм», «диалогизм – монологизм» [3; 4], на что ранее обращали внимание историки русской философии (В. В. Зеньковский, А. Ф. Лосев, В. В. Кожин и мн. др.). Западная мысль, которая на ранних этапах своего философского становления сохраняла онтологическую и холистическую составляющую, постепенно её утрачивала. Причём это был процесс, закономерно связанный с усилением на Западе рационалистической и индивидуалистической составляющих мышления и ослаблением религиозности, даже обусловленный этими тенденциями. Ибо что такое западная схоластика, как не попытка рационалистически доказать существование Бога? В эпоху Нового вре-

мени онтология практически исчезает из западной философии, интересы которой концентрируются на процессах познания. Возникает гносеологизм как новое направление дискредитации метафизики (которую считали источником суеверий) и её центральной части – онтологии. Классическое проявление эта тенденция получает в философии И. Канта, критикующей традиционную метафизику и имеющей претензию создать метафизику как доказательную науку, возвысив рассудочное познание до разумного состояния [5, с. 111–112]. В этой философии Бог превращается в идею чистого разума.

Наиболее подробно тенденция постепенного вытеснения онтологии гносеологией и усиления рационалистической составляющей западной философии прописана в трудах Н. Я. Данилевского, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского: сначала раскол церквей на западную и восточную, затем европейская реформация как процесс индивидуализации и иудаизации веры, потом формирование внерелигиозной рационалистической философии. Все эти эпохальные события западного мира, промежутки между которыми достигали столетий, увеличивали мировоззренческий разрыв между западным и российским типами мышления. Не случайно самобытные российские мыслители даже прямо называют католицизм первым протестантизмом, первым «раскольников», вскрывая истинные причины, по которым Карл Великий способствовал отделению католической церкви от Вселенской, а позднее Генрих VIII отделил англиканскую церковь от римской – создание «собственной» государственной церкви, т. е. тот самый цезарепапизм, в котором так любят обличать Россию на Западе [6, с. 192]. Киреевский подробно описал общую тенденцию создания философских систем на Западе, когда каждая последующая «универсальная» система, освобождённая от «оков веры», всё более уповает на разум, не решая, тем не менее, главнейших философских задач, а увеличивая степень философского заблуждения.

Начиная с реформ Петра I, процесс самобытного развития российской цивилизации был прерван, ей были (по О. Шпенглеру) навязаны чуждые формы организации, в том числе наука по западному образцу (а в её составе и университетская философия), т. е. случился первый псевдоморфоз, начался процесс активной европеизации элиты [7, с. 238–239]. Сделано это было вынужденно, чтобы предотвратить порабощение России Западом. Успешно противостоять агрессивности западной цивилизации можно было, только переяв в какой-то степени отдельные её институты и системы управления. Но с этого момента (говоря словами В. В. Зеньковского) многие российские философы «попадали в плен Западу»: «в философии собственное творчество было всё же очень стеснено в России тем, что находили русские люди на Западе» [8, с. 18–19]. Хотя ранее философская мысль в России полноценно развивалась самобытным образом, что было доказано в XX в. в работах М. Н. Громова, М. А. Маслина, а недавно подробно раскрыто в книге В. В. Варавы [9].

Несмотря на существенные изменения российской жизни под воздействием петровских реформ, её самобытная традиция мышления сохранила целостность, т. е. *одновременную* онтологичность, холистичность, диалогичность и вне- или сверхрациональность (трансцендентность). В западном же случае (а на пути происходившей с Западом трансформации были и неоднократные безуспешные попытки «возвращения» к традиционным истокам целостного и онтологически обусловленного мышления), холистические философские системы были крайне рациональны (в частности, у Г. Гегеля), а онтологические (как, скажем, у Дж. Локка) номиналистичны, что привело в итоге (по М. Веберу) к «расколдовыванию» мира, т. е. утрате философского восторга перед мирозданием.

И. В. Киреевский, обращаясь к философии Гегеля, указывал на невозможность преодоления ограничений рационального мышления рациональными средствами,

противопоставлял гегелевской отвлечённой «сущности» славянофильскую онтологическую «существенность». Против позитивизма и материализма (как результат кризиса западной философии) выступал В. С. Соловьёв. Одна из его работ – «Оправдание добра» – даёт понимание принципиального отсутствия обоснования в российской социально-политической мысли, например, принципа разделения властей и тому подобных систем «сдержек и противовесов». Склонность к теоретизированию относительно оптимального социального и политического устройства на Западе была связана с восприятием человека как рационального эгоиста, чью хищническую природу необходимо ограничивать правовыми и политическими институтами. Русская же философия видела в человеке образ Божий, разрабатывала те же самые вопросы в ракурсе нравственного совершенствования человеческой природы.

Н. Ф. Фёдоров, критикуя гносеологическое обоснование гражданского общества, в качестве альтернативы кантовскому пониманию цивилизации как миропорядка, подчинённого нравственной воле индивида и направляемого знанием, предложил другой, ценностно обусловленный миропорядок, выступающий как общее дело людей, связанных родственными узами и братским единством [10, с. 90–91]. На место связки «понятие – сущность – явление» Фёдоров предложил укоренённую в российской традиции связку «проект – осуществление – преображение» [10, с. 85]. Религиозный философ о. С. Н. Булгаков прямо обвинил новейшую для него западную рационалистическую философию XX в. в «догматизме, в отсутствии критического осознания границ разума» [11, с. 317].

Различия в структуре и иерархии ценностей

В различных культурных (тем более цивилизационных) контекстах смысловое наполнение, казалось бы, одних и тех же

категорий оказывается разным. Это очень хорошо знакомо переводчикам, которым иногда сложно подобрать термин, который бы адекватно передавал смыслы одной культуры языком другой. Традиционные российские и западные ценности нередко называются одними и теми же словами (хотя смысловое наполнение этих понятий может существенно различаться, что объясняется различием в типах мышления). Так, В. В. Кожин обратил внимание на имманентный расизм многих западных авторов, казалось бы, гуманистической направленности, Н. С. Трубецкой высказался об этом резко: «романогерманцы были всегда столь наивно уверены в том, что только они – люди, что называли себя “человечеством”, свою культуру “общечеловеческой цивилизацией”, и, наконец, свой шовинизм “космополитизмом”» [12, с. 23].

Есть в российской сакральной вертикали принципиально иные ценности, современному Западу не свойственные (соборность, нестяжание, вера, правда и др.), присутствуют и существенные отличия в иерархии ценностей: так, например, традиционно высока роль государства. Государство является ключевой ценностью и организующим началом не только для российской, но и, например, для китайской цивилизации. А. С. Хомяков обращал на это пристальное внимание задолго до утверждения цивилизационного подхода: «Не должно смешивать понятия о *Respublica*, понятия холодного и сухого, с детским чувством, заставляющим китайца искать решения высокой задачи – государства нравственного, развитого разумно» [2, с. 77]. Ибо государство для китайца – это огромная семья.

В настоящее время в связи с утратой религиозного начала (сакральной вертикали) и абсолютизацией принципов свободы и индивидуализма на Западе утвердились так называемые «новые ценности» в виде самых деструктивных форм самореализации и самоидентификации. Коротко это можно сформулировать как вектор постоянного и постепенного полного «освобождения от опеки» (дисциплинарной,

нравственной, эстетической) различных коллективных инстанций: церкви, государства, семьи, культуры, представлений о прекрасном, о добре и зле, отторжения религии, традиции и обычая, нарастающей автономизации и атомизации, когда каждый член общества становится самозаконодателем, что приводит к исчезновению (или распаду) общества [13, с. 58–61]. Россия, как полагают некоторые авторы левопатриотического толка (С. Ф. Черняховский, С. Е. Кургинян), сумела на советском этапе развития соединить просвещенческое рациональное начало и традиционно-ценностное, поэтому её эти процессы разложения затронули в меньшей степени, оставив в настоящее время твёрдые основания для обретения коллективной идентичности.

Тем не менее основная проблема российской социо-политической науки заключается в том, что она глубоко западочентрична. В 1990-е гг. общественные науки были полностью заимствованы из иностранных источников в том виде, в котором они сложились на тот момент при осмыслении особенностей западного общества, а затем уже происходила их адаптация под российские реалии. Антагонизм гражданского общества и государства, уже утвердившийся к 1990-м гг. как общемировое явление и «естественный» ход событий, также был усвоен, как и тренд на «минимизацию» государственного участия в жизни общества. При этом понятия «государство» и «гражданское общество» в российском контексте имеют совершенно другое категориальное наполнение, нежели на Западе, ввиду государствоцентричности российского общества. Если для западного мышления «государство – гражданское общество» – это антиномия «или-или», когда одно в пределе «снимает» или «отменяет» другое (у Г. Гегеля итог – это государство, у К. Маркса – гражданское общество), то для российского сознания «государство – гражданское общество» – это дихотомия, в которой одно перетекает в другое. В частности, в начале XVII в. гражданское общество в России, самоорганизовавшись и от-

стояв независимость страны, добровольно передаёт власть всенародно избранному монарху. Обратный пример: в самом начале XXI в. только что избранный Президент В. В. Путин собирает Гражданский форум для поддержки развития организаций гражданского общества и обретения опоры в своём противостоянии с олигархатом. Это остаётся совершенно непонятым западному сознанию, вызывая шквал обвинений в том, что создаются «ручные», «прикормленные» общественные организации. Такое непонимание идёт от индивидуалистических *versus* коллективистских стереотипов мышления, которые не изменяются даже при насильственной аккультурации. По свидетельству А. С. Хомякова свыше чем 150-летней давности, «славянские местности, даже онемеченные, до нашего времени *отличаются от германских уцелевшими остатками общинного быта*» [2, с. 528].

Любое открытие, тем более в гуманитарной сфере, неизгладимо несёт на себе печать творца, а следовательно, и той культуры, в которой творец был взращён. Более того, оно базируется на наблюдениях за той общественной жизнью, в которой теоретик социализировался, следовательно, носит отпечаток апологетики определенных её свойств. Н. Я. Данилевский подробно проанализировал данный вопрос, обращая внимание на индивидуализм, прагматизм и конкуренцию, которые лежат в основе теоретических построений у политэкономов-британцев (Д. Юма, А. Смита, Дж. Ст. Милля и др.), в то время как французская экономическая школа (меркантилисты, физиократы, защитники права на труд, сенсимонисты и т. д.) чаще разрабатывала «понятие о необходимости государственной опеки над личным произволом» [6, с. 149]. Влияние протестантизма и католицизма на характер мышления в каждом из этих случаев очевидно, поскольку «характер господствующей философии... зависит от характера господствующей веры». «Под влиянием римского исповедания» утвердилась «логическая рассудочность», полнота которой

«разрушалась вмешательством внешнего авторитета. Под влиянием исповеданий протестантских эта рассудочность достигла полного развития в своей отделимости и, сознавая себя в этой полноте своего развития как нечто высшее, назвала себя *разумом*» [14, с. 44–45].

Если подобная расколотовость сознания характерна даже для европейцев, то она тем более относится к политическому и социальному теоретизированию в России после всех свершившихся псевдоморфозов (а к таковым, без сомнения, кроме петровских реформ, можно отнести и реформы 1990-х гг.). Ещё И. В. Киреевский полагал «первым корнем большей части общественных зол в России неуважение к святыне правды», вызванное искажённым направлением российского «просвещения со времён Петра» [2, с. 520–521]. С тех пор одно направление в общественной жизни России (истоком которого стали славянофилы) «открыто признаёт за русским народом *обязанность самобытного развития и право самотрудного мышления*»; другое (западники) отстаивает «*подражание*», или «обязанность постоянного ученического отношения нашего к народам Западной Европы» [2, с. 519].

При этом «европеизированный или стремящийся к европеизации народ» начинает оценивать «самого себя, свой народ и свою культуру, именно с точки зрения романогерманца» [12, с. 73], поэтому те открытия, которые позволяет сделать ему более многогранный культурный багаж, представляются соплеменникам как «порча европейской культуры», от них «приходится отказываться», «поскольку они не могут получить признания в Европе» [12, с. 75–76]. «Изучая свою историю, этот народ оценивает её тоже с точки зрения природного европейца: в этой истории всё, что противоречит европейской культуре, представляется злом, показателем косности и отсталости», постепенно он «приучается презирать всё своё, самобытное» [12, с. 81]. Такие тенденции Н. Я. Данилевский назвал «европейничанием», или болезнью русской жизни.

Индивидуализм, права человека, конкуренция versus соборность, служение, кооперация

Атомистический «вирус» (или начало) западного общества является основой его ключевых ценностей, в числе которых права и свободы человека, базисные для получившей в мире господствующее распространение либеральной идеологии, рынок и его конкурентные отношения. Индивидуалистический принцип в ходе своего развития постепенно и неуклонно разрушал все коллективные идентичности и обозначающие их понятия – онтологические сущности, при этом паразитируя на них, их используя. Ввиду «подрывного» для общества характера либеральной идеологии соотношение прав и обязанностей стало классической проблемой западной философии. Однако в конце XX – начале XXI вв. происходит явный общемировой перекося в пользу прав и в ущерб обязанностям. При этом коллективные ценности, в числе которых семья и государство, подвергаются окончательной девальвации. В большинстве развитых стран это приводит к обострению проблемы общественного воспроизводства, замещению автохтонного населения инокультурными мигрантами, разрушению привычного культурного ландшафта.

Одной из особенностей российской цивилизации является служилое государство, в котором в допетровскую эпоху каждое сословие несло свою долю обязанностей в рамках богоустроенного порядка. При этом присутствовали понимание греховности человеческой природы в случае любых злоупотреблений и снисходительное к ним отношение до определённого предела, за которым начинался русский бунт [15, с. 28–30]. Эта система «бытового исповедничества» была восстановлена после большевистских преобразований, когда удалось преодолеть раскол между простым народом и правящей элитой, обрести культурное единство и «единство веры» (роль которой в светском варианте идеократии исполнял Моральный кодекс строителя ком-

мунизма, ценностно коррелировавший с Нагорной проповедью). Н. А. Бердяев обратил на это внимание в «Истоках и смысле русского коммунизма». Тем не менее, для Н. С. Трубецкого советская власть, противопоставляя диалектику метафизике, являлась продолжательницей губительной политики европеизации [15, с. 50], вследствие чего он полагал, что момент, «когда Россия перестанет быть кривым зеркалом европейской цивилизации» и «обретёт своё собственное историческое лицо» [15, с. 60], мог возникнуть только после разрушения советской системы. Однако в настоящее время основным препятствием на пути этого обретения являются стереотипы западоцентричного мышления.

При этом нельзя не учитывать того факта, что современный мир является сложной взаимозависимой системой, где все мировые цивилизации находятся в состоянии непрерывного взаимного культурного обмена. Западные идеи имели рецепции в русском обществе и даже самобытным образом развивались в том числе и в советское время. Н. С. Трубецкой предоставил нам логически безупречное доказательство вторичности и бесплодности развития на чужеродной почве идей, порождённых иным культурным контекстом [12, с. 71–101]. Авторы склонны в этом вопросе согласиться с евразийцем Трубецким, а доказательной иллюстрацией того, что при современном формулировании принципов аутентичного российского обществознания необходимо отдавать безусловный приоритет самобытным российским философам, служит эпигонский характер поведения российских реформаторов последнего тридцатилетия, который нередко ставил их в смешное положение. В то время, когда в России насаждались заимствованные институты и ценности, сам Запад радикально менялся, поскольку развивался в собственной логике и последовательности. Так, например, российские реформы 1990-х гг. провозгласили незыблемость частной собственности. Однако позднее оказалось, что частная собственность вполне подлежит отъёму по любым,

в том числе надуманным, поводам. Более того, по истечении короткого времени на самом Западе стала продвигаться модель жизни без собственности: ипотеку сменила пожизненная аренда жилья, личный автомобиль – каршеринг и т. д. Смена парадигмы развития была естественной для западного мышления, поскольку соответствовала логике постепенного освобождения от любого рода обязанностей, а собственность – это бремя ответственности (налоги, расходы на содержание, проценты по ипотеке). В российском же случае имело место парадоксальное метание, хаотичные действия по продвижению противоречивых заимствованных проектов.

При этом российское общество и сейчас имеет иную (нежели западное) *соборно-персоналистскую* природу. Так, например, индивидуалистический характер западного общества подтверждается тем фактом, что личное общение там осуществляется всегда с какой-либо целью (целерациональное, конкретное общение). В восточных обществах (например, в Китае), напротив, индивидуалистическая составляющая личности утрачивается. Человек – часть великой целостности, в крайнем случае рода, диаспоры (если речь идёт об иммигрантах). В российской культуре личностное начало хорошо развито, оно имеет деятельный, волевой характер. При этом человек включён в определённый круг общения, который не носит обязательного родственного характера (друзья, знакомые, сослуживцы, одноклассники или однокурсники). Человек ощущает потребность в общении с теми, кого он включил в свой круг, причём это диффузное взаимодействие без соблюдения иерархии и ритуала (как на Востоке) и без определённой цели (как на Западе). Российскому типу соборно-персоналистского человека необходимо просто «поговорить по душам» в домашней доверительной обстановке (например, на кухне) и т. д. [16, с. 347–352].

Капитализм – органичное явление западной цивилизации, порождённое протестантской этикой достижения личного материального успеха как свидетельства

богоизбранности и неоправданно распространённое на весь мир ввиду экспансионистского характера как капиталистической системы, так и самого Запада. В настоящее время капитализм монетизировал все высокие чувства (любовь, дружбу, доверие) через институты сетевого маркетинга и им подобные. С особенностями российского общества капиталистическая система не согласуется, более того, капитализм на российской почве категорически не приживается.

Суровые климатические условия, обусловившие получение малого прибавочного продукта, и постоянная необходимость отражения военной угрозы способствовали закреплению общинного духа, совместного способа преодоления трудностей. Прежде всего, речь идёт о коллективной форме организации труда (община, артель, колхоз), мобилизационном государстве с распределительной моделью экономики. Община была институтом, позволявшим при минимальном прибавочном продукте выжить максимальному количеству людей. Не только выжить, но и размножиться. Ибо ранние браки и обзаведение детьми были обязательной повсеместной практикой. Кооперация усилий, а не конкурентная модель экономики была исконной стратегией выживания русского народа и связанных с ним общим цивилизационным развитием этносов.

В Западной Европе в это же время гораздо интенсивнее развивались рыночные отношения, поскольку там имелся избышек продуктов питания, обусловленный гораздо более благоприятными климатическими условиями, однако до определённого этапа развития производительности труда и там время от времени случался голод, выкашивавший значительную часть населения. Индивидуалистические стратегии хозяйствования, установившиеся в европейских государствах при раннем разложении общинного строя, способствовали появлению «лишних» людей, которые не имели возможности завести дом и семью и вынуждались к различным формам миграционной активности. Особенно за-

метна эта тенденция в специфике развития скандинавов, которые существовали в достаточно холодной климатической зоне и в VIII – XI вв. н. э. выживали набегами на европейские страны с более тёплым климатом. С момента открытия Нового света «лишние» люди Европы устремлялись в этот регион, из которого обратно щедро поступали материальные ценности. Ограбление колоний позволило существенно повысить уровень жизни среднего европейца, привело к появлению социальной прослойки рантье, возникновению отдельной категории женщин-содержанок.

Недоучёт климатического фактора и традиционных форм организации хозяйства и жизнедеятельности, сложившейся ментальности при распространении универсалистских штампов для проведения реформ по западному образцу в других регионах мира приводит к неадекватным решениям политического и социального характера. Академик Д. С. Львов в 2000-е гг. подсчитал, что для обеспечения каждому россиянину уровня жизни среднего европейца необходимо потратить 18 тыс. условных топливных единиц на человека в год, тогда как Россия в этот период добывала чуть более 8 тыс. у. т. ед. в год на одного жителя, причём значительную часть добытого экспортировала. В Европе же на обеспечение высоких жизненных стандартов в это время тратилось в год от 3,5 до 6 тонн условного топлива на одного человека в зависимости от страны проживания [17].

Ф. Броделю естественно было описывать синтез мира Средиземноморья и капитализма, поскольку это западный, хотя и католический, а не протестантский, регион. Там не было такого жёсткого отторжения, неприятия логики капитализма, как в России. По О. Шпенглеру, русское сознание однозначно не понимает капитализм и не принимает его. И Русская революция – результат этого неприятия. Размах разрушений 1917 г. он объяснял тем, что народ «из стремления вылечиться» отверг навязанный ему «западный мир», тяготая «к своей особой форме жизни», «своей собственной будущей истории» [7, с. 243]. В

настоящее время мы видим вынужденный тренд на национализацию крупнейших производств и естественных монополий, ибо по-другому в России просто не выжить.

Либерально-индивидуалистическая постановка проблемы свободы исторически была несвойственна аутентичному российскому философствованию. Соборное толкование оставляет возможность свободного выбора только один раз – при самоопределении в момент вхождения в коллективную целостность. Поэтому принципиально по-другому развивались в России и представительские институты. Сильная верховная власть сочеталась с активным самоуправлением на местах (вечевое управление, земские соборы, крестьянские сходы, казачьи круги, земства). Митрополит Иоанн объяснял это особенностями исторического развития, когда «тягостное иноверческое иго обратилось в школу исторического воспитания, выйдя из которой, народ обогатился твёрдым пониманием своего вселенского призвания и державного долга» [18, с. 101]. Идеальной моделью государственного устройства до реформ Петра I полагалась симфония властей (царской и патриаршей, мирской и духовной). Учение о законной власти включало в себя ряд положений, главное из которых – «идея царского служения как церковного послушания, наряду со служением иноческим, священническим и иными» [18, с. 104]. Важнейшим содержанием этого служения являлись «удерживание» земель (отсюда слова «державность», «самодержец» – российские аналоги «суверенности» и «суверена») и вероохранительная миссия царя. Сегодня эта тенденция в развитии российского государства проявляется в укреплении вертикали власти и заботе о сохранении традиционных ценностей.

С течением времени появлялись новые институты и механизмы решения экзистенциальных проблем российского государства. Так, например, отечественный историк А. И. Фурсов, исследуя «Русскую систему», много писал о параллельном надстраиваемом контуре власти, с по-

мощью которого решались многие, казалось бы, неразрешимые проблемы [19]. Однако все эти исторические особенности российского развития не получили и не получают (за исключением отдельных немногочисленных публикаций) теоретического осмысления, не укладываются в стройную систему легитимации российских институтов и в целом специфики российской жизни. Наоборот, российская действительность неуклонно критикуется за её несоответствие чуждой, заимствованной теории, основные постулаты которой были сформулированы на основе осмысления иной цивилизационной системы. Именно поэтому обновление социально-гуманитарного образования в России в настоящее время осуществляется в режиме параллельного внеинституционального надстраиваемого контура¹. Причина проста: существующие научные и образовательные институты детерминированы той парадигмой, в которой они сформировались, им сложно разорвать устоявшиеся стереотипы мышления.

Заключение

Российская действительность является совокупностью, или множеством самых различных, порою противоречивых традиций; не случайно Н. С. Лесков когда-то

назвал её русским разноверием. При этом её определённое единство и отчётливая самобытность не подлежат сомнению, однако до сих пор не осмысливаются должным образом. В противоположность индивидуализму, правам человека и конкуренции, получившим преобладающее значение на Западе, аутентичной российской жизни были присущи соборность (коммунотарность в интерпретации Бердяева), служение (преимущественное исполнение долга), тенденция к объединению усилий при нахождении ответов на те экзистенциальные вызовы, которые ставила перед российской цивилизацией её история.

Категорию аутентичности на Западе, начиная с 1970-х гг., стали специально использовать для консервации незападных обществ для установления для них «запрета на развитие», превращения в этнографическую экзотику. Именно поэтому один из соавторов настоящей статьи в своих работах говорит не просто об аутентичности, но об аутентичном развитии российского общества [20], которое невозможно без видения проекта будущего (или «общего дела», говоря словами Н. Ф. Фёдорова), без формирования для его описания и осмысления категориального аппарата на базе самобытной русской философии, а также без скорейшей интеграции этого аппарата в систему образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Постигание истории. М.: Академический проект, 2021. 800 с.
2. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Работы по историософии. М.: Медиум, 1994. 592 с.
3. Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 64–75. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-64-75.
4. Бондарева Я. В., Ильинская С. Г. Философские основания российской модели терпимости // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 4. С. 27–39. DOI: 10.17805/zpu.2024.4.3.
5. Ерахтин А. В. Онтология и трансцендентальная метафизика Иммануила Канта // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 4. С. 111–114.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. С. Э. Борич. Минск: Попурри, 2019. 704 с.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
9. Варава В. В. Сокровенное и обжигающее. Лекции по истории русской философии. СПб.: ПХГА: Солнце Севера, 2025. 276 с.

¹ Зачем власти и учёные готовят курс «национальноцентричной» философии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/11/2025/6927ba7b9a79475963bbd7d4> (дата обращения: 12.11.2025).

10. Резник Ю. М. К метафизике И. Канта. Понятие «феномены» и его значение для понимания цивилизационного бытия человека (Часть 2) // *Личность. Культура. Общество*. 2023. Т. 25. № 3–4 (119–120). С. 82–92. DOI: 10.30936/1606_951X_2023_25_3_4_82_92.
11. Булгаков С. Н. Трагедия философии // Булгаков С. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 309–518.
12. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М.: Опустошитель, 2022. 156 с.
13. Шевченко В. Н., Спиридонова В. И., Соколова Р. И. «Новая современность» и традиция в многополярном мире: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2018. 117 с.
14. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. 80 с.
15. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
16. Баранов С. Д. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). М.: Институт Наследия, 2024. 578 с.
17. Львов Д. С. Россия: границы реальности и контуры будущего // *Журнал экономической теории*. 2007. № 1. С. 5–17.
18. Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2004. 496 с.
19. Фурсов А. И. Вперёд, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Книжный мир, 2019. 640 с.
20. Ильинская С. Г. Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 1. С. 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133.

REFERENCES

1. Toynbee, A. (2021). *A Study of History*. Moscow: Academicheskii Proekt publ. (in Russ.).
2. Khomyakov, A. S. (1994). *Works. Vol. 1. Works on Historical Philosophy*. Moscow: Medium publ. (in Russ.).
3. Bondareva, Ya. V. & Ilyinskaya, S. G. (2024). The Logic of Russian Civilization Idea through the Prism of Russian Philosophy. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 64–75. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-64-75 (in Russ.).
4. Bondareva, Ya. V. & Ilyinskaya, S. G. (2024). Philosophical Foundations of the Russian Tolerance Model. In: *Knowledge. Understanding. Skill*, 4, 27–39. DOI: 10.17805/zpu.2024.4.3 (in Russ.).
5. Erakhtin, A. V. (2014). Ontology and Transcendental Metaphysics of Immanuel Kant. In: *Vestnik of Kostroma State University*, 4, 111–114 (in Russ.).
6. Danilevsky, N. Ya. (2018). *Russia and Europe*. Moscow: Algorithm publ. (in Russ.).
7. Spengler, O. (2019). *The Decline of the West*. Minsk: Popurri publ. (in Russ.).
8. Zenkovsky, V. V. (2011). *History of Russian Philosophy*. Moscow: Academicheskii Proekt publ. (in Russ.).
9. Varava, V. V. (2025). *All that Dear and Scorching. Lectures on the History of Russian Philosophy*. St. Petersburg: Russian Academy of Arts; Sun of the North publ. (in Russ.).
10. Reznik, Yu. M. (2023). Toward I. Kant's Metaphysics. The Concept of "Phenomena" and Its Significance for Understanding the Civilizational Existence of Man (Part 2). In: *Personality. Culture. Society*, 25 (3–4), 82–92. DOI: 10.30936/1606_951X_2023_25_3_4_82_92 (in Russ.).
11. Bulgakov, S. N. (1993). The Tragedy of Philosophy. In: Bulgakov, S. N. *Works. Vol. 1*. Moscow: Nauka publ., pp. 309–518 (in Russ.).
12. Trubetskoy, N. S. (2022). *Europe and Humanity*. Moscow: Opustoshitel publ. (in Russ.).
13. Shevchenko, V. N., Spiridonova, V. I. & Sokolova, R. I. (2018). *"New Modernity" and Tradition in a Multipolar World: A Philosophical and Political Analysis*. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS (in Russ.).
14. Kireevsky, I. V. (2015). *On the Necessity and Possibility of New Beginnings for Philosophy*. St. Petersburg: Abbess Taisia Memory Society publ. (in Russ.).
15. Trubetskoy, N. S. (1925). *The Legacy of Genghis Khan. A View of Russian History Not from the West, but from the East*. Berlin: Eurasian Book publ. (in Russ.).
16. Baranov, S. D. (2024). *Civilization of Eastern Europe (Axis Civilization)*. Moscow: Heritage Institute publ. (in Russ.).

17. Lvov, D. S. (2007). Russia: Boundaries of Reality and Contours of the Future. In: *Journal of Economic Theory*, 1, 5–17. (in Russ.).
18. Metropolitan John (Snychev) (2004). *Russian Symphony. Essays on Russian Historiosophy*. St. Petersburg: Tsarskoe Delo publ. (in Russ.).
19. Fursov, A. I. (2019). *Forward to the Victory! Russian Success in Retrospect and Prospect*. Moscow: Knizhny Mir publ. (in Russ.).
20. Piyinskaya, S. G. (2020). Authentic Development: Key Aspects of the Concept. In: *RUDN Journal of Political Science*, 22 (1), 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна (г. Москва) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Ильинская Светлана Геннадьевна (г. Москва) – кандидат политических наук, доцент, главный специалист Управления сетевых и партнёрских проектов государственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы;
ORCID: 0000-0002-7402-5265; e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva (Moscow) – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Svetlana G. Ilinskaya (Moscow) – Dr. Sci. (Political Sciences), Chief Specialist, Office of Network and Partner Projects of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
ORCID: 0000-0002-7402-5265; e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru